

ГЛАВА 10

ПРЕПОДОБНЫЙ
НИЛ СОРСКИЙ

оа прп нилъ

сорскій

Ниле Сорском (1433—1508) обрело свой голос безмолвное пустынно-жительство русского Севера. Он завершает собой весь великий XV век русской святости. Единственный из древних наших святых, он писал о духовной жизни и в произведениях своих оставил полное и точное руководство духовного пути. В свете его писаний скучные намеки древних житий северных пустынников получают свой настоящий смысл.

Как бы в расплату за это литературное наследство преподобного Нила мы лишены его жития. Неизвестно, было ли оно когда-нибудь написано: предание говорит, что оно сгорело во время татарского разорения вологодских скитов в 1538 г. Преподобный Нил редко покидал свою пустынью для мира, не был вхож в княжеские дворцы, и написанные о его жизни чрезвычайно скучны.

Дворянский род Майковых считает Нила Сорского в числе своих предков. Даже это недостоверно. Сам Нил, «но реклу Майков», называет себя однажды «поселянином». Есть известие, что он был в миру «скорописцем», списателем книг. Во всяком случае, он рано постригся: «От юности моей», — пишет он. Очень важно, что преподобный Нил побывал на Афоне и «в странах Цареграда», куда он ходил со своим учеником, св. Иннокентием (Охлябининым). В XV веке сношения Руси с православным Востоком нередки. Игумен Кассиан Спасо-Каменного монастыря два раза ездил в Константинополь «о церковном исправлении». Известный старец Паисий Ярославов, живший в том же монастыре, — ему тщетно предлагали московскую митрополию, — и св. Нил в конце XV века считались столпами северного пустынничества и вместе с тем представителями греческой школы духовной жизни. Сам Нил избрал для своего скита лесное урочище на речке Соре верстах в пятнадцати от Кириллова монастыря, который оставался центром монашеских колоний отшельников. Историк Шевырев, посетивший Нилову пустынь в середине прошлого века, так описы-ва-

ет ее природу: «Дико, пустынио и мрачно то место, где Нилом был основан скит. Почва ровная, но болотистая, кругом лес, более хвойный, чем лиственный... Трудно отыскать место более уединенное, чем эта пустыня». Здесь построено было несколько хижин-келей вокруг деревянной церкви. Здесь прошла вся жизнь преподобного Нила — в одиночестве, нарушенном иногда лишь докучливыми гостями из мира. Преподобный Нил неохотно открывал им двери: «Отвращаеми же от мене не оставляют мене почитати, ниже перестают стужати ми, и сего ради смущения бывают нам». В 1489 г., когда Новгородский владыка Геннадий ведет энергичную борьбу против ереси жидовствующих, он спрашивает ростовского архиепископа, нельзя ли побывать у него Паисию и Нилу, поговорить о ересях. Очевидно, это самые влиятельные имена среди заволжцев. По всему своему духовному направлению Нил и Паисий не могли проявить сочувствия к кострам и казням Геннадия. Оба старца присутствовали на Соборе 1490 г., который осудил еретиков, но обошелся с ними довольно мягко. Дальнейшее известие о преподобном Ниле относится лишь к 1503 г. На Соборе в Москве, собранном по совершенно иному поводу, неожиданно «нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы черньцы по пустыням, а кормились бы рукоделием». Белозерские пустынники поддержали его. Пришлоось послать за Иосифом Волоцким, уже уехавшим с Собора, чтобы его авторитетом и энергией отстоять церковное землевладение. Скончался сорский пустынник в 1508 г. В рукописях сохранилось его потрясающее завещание ученикам, имеющее свой precedent на Руси в завещании киевского митрополита, грека Константина († 1159): «Новергните тело мое в пустыни — да изъядят е зверие и птица; понеже согренило есть к Богу много и недостойно погребения. Мне потицания, елико но силе моей, чтобы бысть не сподоблен чести и славы века сего никоторыя, яко же в житии сем, тако и по смерти. Молю же всех, да помолятся о душе моей грешной, и прощения прошу от вас и от мене прощения. Бог да простит всех».

Литературное наследство преподобного Нила состоит из многочисленных посланий к его ученикам на темы духовной жизни и обширного, в одиннадцати главах, «Монастырского», или «Скитского», устава. Последний

представляет не устав в собственном смысле, а систематический, почти исчерпывающий, несмотря на свою сжатость, трактат по православной аскетике. Нил Сорский прекрасный писатель. В посланиях он раскрывается более с личной стороны, делясь и своим опытом и горением любви. В Уставе он обнаруживает огромную начитанность в греческой мистической литературе и редкий на Руси дар систематического изложения. В XV веке еще не существовало «Добротолюбия». Но его отчасти заменяли для Нила сборники из древних аскетических писателей, составленные Никоном Черногорцем («Пандекты» и «Трактикон»).

Примыкая к традиции северного русского пустынно-жительства, преподобный Нил не был, однако, отшельником. Он считается основателем на Руси «скитской» жизни, средней между киновией и анахоретством. При всей созерцательности своего духовного склада, Нил предпочитал «средний путь: еже со единым или множе со двема братома жити», как советует и Лествичник. Хозяйство не связывает небольшой общиной, соединенной церковной молитвой. Близость братьев дает возможность отношений, построенных на чистой любви: «Брат братом помогает». Впрочем, его служение братии не имеет характера ни управления, ни учительства. Нил не хочет быть игуменом или хотя бы учителем. Так называемое «Предание ученикам» он адресует «братьям моим присным, яже суть моего нрава: тако бо именую вас, а не ученики. Един бо нам есть Учитель...» Преподобный Нил невысоко ставит человеческое руководство на путях духовной жизни, хотя и советует пользоваться «беседами разумных и духовных мужей»; но ныне инохи «до зела оскудели», и трудно найти «наставника непрелестна». Это недоверие к монашескому послушанию сообщает учению Нила характер духовной свободы.

Разумеется, и преподобный Нил требует «еже по Бозе своея воли отсечения», называет «лихомством» своевольные пути. Он не «самочинник», не «самопретыкатель». Но он ищет надежного руководства в «божественных писаниях». «Свяжи себя законом божественных писаний и последуй тем», — внушает он ученику. Как и для всех русских людей, понятие «божественных писаний» обнимает для Нила не только Божественное откровение, но и все запечатленное в

письменности церковное предание. Однако, в отличие от Иосифа Волоцкого и других современников, преподобный Нил знает различия в авторитетности писаний: «Писания многа, но не вся божественна». Градации авторитета указываются в следующем личном признании: «Наипаче испытую божественные писания, прежде заповеди Господни и толкования их и апостольские предания, тоже и учения св. отец; и тем внимаю и яже согласна моему разуму... преписую (переписываю) себе и тем поучаюсь, и в том живот и дыхание мое имею». Далекий от презрения к человеческому разуму, преподобный Нил, не ставя его выше Священного Писания, делает его орудием исследования Писания. Согласие между Писанием и разумом для него необходимое условие поведения: «Егда бо сотворити ми что, испытую прежде Божественного Писания; а аще не обрящу согласующа моему разуму в начинание дела — отлагаю то, дондеже обрящу».

Начало критики преподобный Нил вносит и в русскую агиографию, которой он занимался. В Кирилло-Белозерском монастыре сохранилась составленная им рукопись житий. В предисловии Нил указывает: «Писах с разных списков, тщася обрести правы и обретох в списках онех многа неисправленна и, елика возможно моему худому разуму, сия исправлях». Он просит прощения у читателя, если в его работе окажется что-нибудь «несогласное разуму истины». К сожалению, агиографические труды преподобного Нила еще не исследованы, и мы не знаем, носила ли его критика только филологический или реальный характер. Его ученик Вассиан с большой энергией («Сие, Иосифе, лжеши») опровергает обвинение Волоцкого игумена в том, что старец Нил выкинул чудеса из святых писаний и не веровал в русских чудотворцев. Так преломились первые опыты критической мысли преподобного Нила в сознании консерваторов.

Свойственную ему широту и свободу преподобный Нил сохраняет и в качестве учителя духовной жизни. И здесь необходима мудрая школа разума. «Без мудрования и доброе на злобу бывает, ради безвремения и безмерия. Егда же мудрование благим меру и время установит, чуден прибыток обретается.— Время безмолвию и время немягкой молве; время молитвы непрестанныя и время службы нелицемерная.— Преж-

де времени в высокая не продержати.— Среднею мерою удобно есть проходити.— Средний путь непадателен есть». Уважение к мере, к времени и к среднему пути нисколько не делает учение преподобного Нила духовно-средним, обдненным. Напротив, никто не поднимался выше его на Руси в теории духовного пути. Но этот путь дан ему в движении к цели, а не в установленном трудничестве. Вот почему для него существены не только время и мера, но и личная природа, личное призвание: «Кийждо вас подобающим себе чином да подвизается».

Не следует думать, что преподобный Нил ведет легким путем: И его путь есть путь аскезы. Его «Скитский устав» начинается классическим в аскетике анализом греха. Он учит борьбе — «разумному и изящному борению» с грехом. Нелегка борьба: «Ведиши ли, брате,— пишет от св. Кассиану Мавнукскому, своему ученику,— яко от древних лет вси угодившие Богу скорбми и бедами и теснотами спасошася». Он учит о памяти смертной и тщете земной жизни: «Дым есть житие сие, пар, нерсть и пепел». Он славит «слезы покаяния», слезы любовные, слезы спасительные, слезы, «очищающие мрак ума моего». Но эти любовные слезы являются источником радости. «В радости бывает человек тогда, не обретаемой в веце семь».

Как учитель телесной аскезы преподобный Нил сохраняет свой закон меры: «О нище и питии противу (согласно) силы своего тела, более же души, окормления кийждо да творит... Здравии и юные да утомляют тело постом, жаждею и трудом но возможному; старии же и немощни да унокояют себя мало». Он знает, что «вся естества единем правилом объяти невозможно есть: понеже разнство велие имуть телеса в крепости, яко медь и железо от воска». Единственный совет его, касающийся поста, относится к неразборчивости в пище. Ссылаясь на Григория Синаита, он советует брать «по малу от всех обретающихся брашин, аще и от сладких». Этим мы избежим «возношения» и не покажем гищания добрым творением Божиим. Эти правила Нила, представляющиеся многим «недоумительными», кажутся прямо направленными против трапезного устава Иосифа Волоцкого, с его градацией блюд и правом выбора между ними.

Особая, излюбленная Нилом форма аскезы есть

аскеза нищеты. В духовной жизни нищета имеет не только значение радикального нестяжания, но и верности евангельскому образу уничиженного Христа. У Нила нищета не обосновывается прямо на Евангелии, но внутренне коренится в нем: «Очисти келью твою, и скудость вещей научит тя воздержанию.— Возлюби нищету и нестяжение и смиление». Бедность для преподобного Нила не только личный, не только скитский идеал,— отрицание монастырского землевладения прямо отсюда вытекает,— но даже идеал церковный. Единственный из духовных писателей (хотя, быть может, не из святых) Древний Руси, преподобный Нил возражает против храмовой роскоши и украшений: «И нам сосуды златы и сребряны и самыя священныя не подобает имети, такожде и прочая излишняя, но точию потребная церкви приносити». Ссылаясь на Иоанна Златоуста, он советует приносящему церкви в дар украшение — раздать нищим. Он сочувственно вспоминает даже о том, как Пахомий Великий разрушил нарочно красивые столы в своем храме, ибо «не лено чудитися делу рук человеческих».

Не имея собственности, не имея права докучать мирянам просьбой о милостыни,— в нужде разрешается, впрочем, «взимати мало милостыни»,— монахи должны кормиться «от праведных трудов своего рукоделия». В отличие от киновии, которая преимущественно живет земледельческим трудом, скитская жизнь требует работы «под кровом», как менее развлекающей в духовном делании.

Преподобный Нил никогда не забывает, что цель аскезы — лишь приуготовление к «деланию сердечному», «мысленному блudению», «умному хранению»: «Телесное делание лист точию, внутреннее же, сиречь умное, плод есть». Первое без последнего, по слову Исаака Сирина, «ложесна ненгодныи и сухие сосцы». Но и внутренняя аскеза лишь путь к «умной» молитве, теорию которой (едва ли практику) Нил первый принес на Русь из мистической Греции. Учение, излагаемое им преимущественно словами греческих исихастов, тождественно с излагаемым в новейших трактатах. «Откровенные рассказы странника» помогают понять, насколько это возможно не имеющему опыта, многое, остающееся темным в «Уставе» преподобного Нила. Основой этого греческого метода является соединение

молитвы с телесным ритмом дыхания и сердца. Задержание дыхания и сосредоточение внутреннего воображения («ума») в сердечной области сопровождаются непрерывным ритмическим повторением молитвы Иисусовой. Преподобный Нил не боится опасностей мистического пути и, зная все трудности его для многих, увлекает к нему описанием блаженных состояний созерцания.

Итак, вначале необходимо «поставить ум глух и нем» «и имети сердце безмолвствующе от всякого помысла». Достигнув этого полного внутреннего молчания, ум начинает «зрети присно в глубину сердечную и глаголати: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Эту молитву можно читать и сокращенно, особенно для новоначальных. «И тако глаголати прилежно, аще стоя, аще сидя или лежа, елико можно, да не часто дышаши...» Замечательно, что в этом напряжении внутренней молитвы нет места видениям, хотя бы горнего мира: «Мечтаний же зрака в образа видений отнюдь не приемли никако же, да не прельщен будеши». Если одолевают помыслы, хотя бы и благие, можно, оторвавшись от «умной» (то есть духовной) молитвы, говорить молитву «усты». Но это допустимо тогда, когда «изнемогает ум зовий и тело и сердце изболит». Тогда хорошо и пение, то есть чтение псалмов и церковных служб, как некая «ослаба» и «успокоение». Но нельзя самовольно оставлять молитву (то есть «умную»), чтобы становиться за пение. «Бога бо внутрь оставль, извне призываеши». Это нисхождение в область «худейших вещей» (псалмы) Григорий Синаит называет прелюбодеянием ума.

Чудесно изображается божественная радость «умной» молитвы словами Исаака Сирина: «Выжигается воистину в тебе радость и умолкает язык... Кипит из сердца присно радость некая... и впадает во все тело ища нынняя и радование». Это состояние не что иное, как «небесное царство». Еще дерзновеннее изображает его Симеон Новый Богослов: «Кий язык изречет? Кий же ум скажет? Кое слово изглаголет? Страшно бо воистину страшно, и паче слова. Зрю свет, его же мир не имать, посреди келии на одре седя; внутрь себе зрю Творца миру, и беседую и люблю, и ям, питаяся добре единственным боговедением, и соединяяся Ему, небеса превосходжу: и всем известно и истинно. Где же тогда тело, не вем...

И се Владыка ангелом равна показует мя и лучше тех творит».

Следует думать, что русский пустынножитель, предлагая ученикам своим эти откровения греческих мистиков, руководился, хотя бы отчасти, и собственным духовным опытом, о котором избегает говорить.

Горестную невозможность постоянно пребывать на высотах молитвенного блаженства преподобный Нил объясняет экономией любви: «Да имут время и о братии упражнятися и промышляти словом служения». Эта братская любовь, хотя и на низшей духовной высоте, составляет другую, к миру обращенную сферу его души, которая лишает его образ всякой супротивности и сообщает ему большое земное очарование. Для этой любви он находит потрясающие, свои — не греческие — слова. «Не терплю, любимче мой,— пишет он святому Кассиану,— сохрани таинство в молчании; но бываю безумен и юрод за братнюю пользу». Поразительны самые обращения его посланий: старцу Герману, «присному своему любимому», «братиям моим присным», неизвестному по имени: «О любимый мой о Христе брате и возлюбленный Богу паче всех...» Любовь преподобного Нила исключает осуждение, хотя бы вытекающее из ревности о добродетели. Расходясь в этом совершенно с Иосифом Волоцким, он пишет ученику своему Вассиану, который очень нуждался в подобном назидании: «Сохраняни же ся и тиция не укорити ни осудити никого ни в чем, аще и не благо что зритъся». Понятно, что преподобный Нил, при всем его гнушании ересью, о котором свидетельствует сохранившееся его «исповедание веры», не мог сочувствовать казням еретиков. Впрочем, кроткая любовь Нила не исключает мужественного стояния за истину: «Несть убо добре еже всем человеком хотети угодно быти. Еже хощеши убо избери: или о истине пещиця и умерети ее ради, да жив будеши во веки, или яже суть на сласть человеком творити и любим быти ими, Богом же ненавидимым быти». Такая готовность к свидетельству истины обрекала Нила и учеников его на скорбный и мученический путь.